

DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.1.008
УДК 811.512.141'373.21 + 003.292.5 +
+ 81'373.611

Ф. Г. Хисамитдинова
Р. Т. Муратова
Г. Н. Ягафарова
М. Р. Валиева

Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального
исследовательского центра РАН
Уфа, Россия

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В БАШКИРСКОЙ ТОПОНИМИИ*

Все цветообозначения, являющиеся частью древнейшего пласта лексики, кроме семантики цвета, в башкирском языке, как и во многих других языках, наделены символической семантикой. Особую значимость они приобретают в топонимах. Цвет как один из мотивов номинации часто используется в башкирской топонимии. Целью данного исследования является изучение башкирских географических названий, включающих в свой состав цветообозначения. Материалом для исследования послужили оронимы, гидронимы, ойконимы, собранные в картотеке отдела языкознания Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, а также представленные в приложениях к десяти томному «Академическому словарю башкирского языка» (2011–2018), в словарях топонимов и в монографиях, посвященных топонимии. Цветотопонимы составляют 6 % всех башкирских топонимов. Наиболее активными в образовании названий топообъектов являются лексемы *ак* ‘белый’, *кара* ‘черный’, *кызыл* ‘красный’, *һары* ‘желтый’, *ала* ‘пегий’, *кук*

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 16-34-01049 «Формирование и развитие системы цветообозначений в тюркских языках Урало-Поволжья» и при поддержке программы ОИФН РАН «Этнокультурное взаимодействие народов Поволжья (по материалам традиционно-бытовой и духовной лексики)».

© Хисамитдинова Ф. Г., Муратова Р. Т., Ягафарова Г. Н., Валиева М. Р., 2019

‘синий’, *сыбар* ‘пестрый’, что, во-первых, свойственно тюркской топонимии в целом, во-вторых, отражает цветовую характеристику географических объектов окружающей природы и местности, где проживают башкиры. Словообразовательная структура башкирских топонимов с компонентами-цветобозначениями сводится к следующим моделям: «цветобозначение + географический термин», «цветобозначение + зооним», «цветобозначение + фитоним», «цветобозначение + название минерала, горной породы», «цветобозначение + название постройки, сооружения», «топонимы, производные от антропонимов, этнонимов», «топонимы, состоящие только из цветобозначения». Наибольший интерес в плане отражения национального мировидения башкир представляют топонимы, образованные по модели «цветобозначение + географический термин». В топонимах такого типа цветобозначения определяют не только цвет самих географических объектов, но и характеризуют цвет горных пород, отражают воспринимаемый цвет водоемов, являются носителями коннотативной и мифологической семантики.

Ключевые слова: башкирская топонимия, номинация по цвету, цветобозначения, словообразование топонимов, символика цветобозначений.

Введение

Цветобозначения относятся к одному из самых древних пластов лексики любого языка. Не составляет исключения и башкирский язык, в котором данная группа лексики возводится к общеалтайской эпохе. Судя по реконструкциям известного алтаиста А. В. Дыбо, к алтайской эпохе восходят все базовые цветобозначения тюркских языков, в том числе и башкирского. Ср.: башк. *кызыл* ‘красный’ < праалт. **k’iŋri* ‘красный, коричневый, темный’, башк. *һары* ‘желтый’ < праалт. **siŋri* ‘белый; желтый’, башк. *ак* ‘белый’ < праалт. **iäk* ‘V’ ‘светлый, белый’ [Дыбо, Хисамитдинова, 2009, 109–115].

Все цветобозначения, будучи неотъемлемой частью базового устойчивого пласта лексики, кроме основного цветового значения, в башкирском языке, как и во многих языках, наделены значением символическим. Эта особенность обусловила широкое употребление данной группы слов в составе самых разных тематических групп лексики башкирского языка.

Согласно [АСБЯ] и другим толковым, терминологическим и двуязычным словарям, цветобозначения представлены в следующих группах апеллятивной и проприальной лексики:

— ботанической: *актамыр* ‘пырей’ (букв. «белый корень»), *карагат* ‘смородина’ (букв. «черная ягода»); *һарыгат* ‘облепиха’ (букв. «желтая ягода»);

— зоологической: *аккош* ‘лебедь’ (букв. «белая птица»), *карагош* ‘большой подорлик’ (букв. «черная птица»), *һарыгош* ‘иволга’ (букв. «желтая птица»);

— метеорологической: *акбуран* ‘пурга’ (букв. «белый буран»), *кара һыуык* ‘сухой мороз’ (букв. «черный мороз»), *күк томан* ‘седой туман’ (букв. «синий туман»);

— соматической: *кызыл уңас* ‘пищевод’ (букв. «красное горло»), *сәгәр күз* ‘светло-голубые глаза’, *күз караһы* ‘зрачок’ (букв. «чернота глаза»);

— мифологической: *Акбузат* ‘крылатый конь в башкирской мифологии’ (букв. «Бело-сивый конь»), *Күк буре* ‘сивый волк, являющийся в башкирской мифологии тотемным животным’ (букв. «Голубой / сивый волк»), *Һары кыз* ‘имя демона женского пола’ (букв. «Желтая девушка») [Хисамитдинова, 2014, 93, 94];

— этнонимической: *ак кыпсак* ‘название родового подразделения племени кыпчак’ (букв. «белые кыпчаки»), *кара табын* ‘название родового подразделения племени табын’ (букв. «черные табынцы»);

— антропонимической: *Акбуре* — мужское имя (букв. «Белый волк»), *Карабай* — мужское имя (букв. «Черный мужчина / человек»), *Акбалин* — фамилия (букв. «Белый ребенок») [Хисамитдинова, 2016, 118–119];

— топонимической: *Каратау* — название нескольких гор в Башкортостане (букв. «Черная гора»), *Акташ* — название нескольких гор, скал в Башкортостане (букв. «Белый камень / скала»), *Кызыл* — правый приток р. Урал (букв. «Красная») и др.

Судя по материалам словарей [АСБЯ; СТРБ; Хисамитдинова и др., 2005; РБСГО], а также картотек топонимов, хранящихся в отделе языкознания Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, цветообозначения в башкирском языке больше всего представлены в составе топонимической, ботанической и зоонимической лексики. Так, в коневодческой лексике башкирского языка отмечается наличие 20 специфических наименований мастей лошадей: *кола* ‘саврасый’, *туры* ‘гнедой’, *бурыл* ‘чалый’, *сантар* ‘игреневый’, *бүртә* ‘караковый’, *буз* ‘сивый’ и др. [Ягафарова, 2011]. Из 392 башкирских названий птиц, отмеченных в книге «Птицы Башкортостана» [Ишбердин, 1986], 148 содержат в своем составе цветообозначения, ср.: *кызылтуши* ‘снегирь’ (букв. «красная грудь»), *аккош* ‘лебедь’ (букв. «белая птица»), *күк селән* ‘цапля’ (букв. «синяя цапля») и др. При этом из 390 русских названий птиц, представленных в указанной книге, лишь 48 имеют отношение к цветовой лексике. Ср.: *белоглазка*, *синица*, *сизоворонка* и др.

Проблема цветообозначений в топонимии освещалась в работах многих исследователей на материале русского, белорусского, аварского и других языков [Суперанская, 1970; Иванов, 1981; Березович, 1998; Цветкова, 2012; Оцомиева-Тагирова, Баширова, 2017; и др.]. Авторы указывают, что «цветовые топонимы содержат в себе информацию не только о внешнем виде объекта (цвете), но и о каких-то других качествах, вызывающих ассоциации с определенным цветом» [Цветкова, 2012, 264].

Нецветовые значения прилагательных цвета в составе топонимов рассмотрены в тюркологических работах [Койчубаев, 1965; Конкашпаев, 1969; Кононов, 1978; Молчанова, 1979; Конкобаев, 1980; Мурзаев, 1995]. Так, А. Н. Кононов, анализируя цветообозначения в тюркской топонимии, раскрывает их особые семантические характеристики — цветовые наименования у тюрков обозначали стороны света: черный — север, красный — юг, белый и желтый — запад, голубой — восток [Кононов, 1978, 159–179]. Э. М. Мурзаев, отмечая значительную

роль прилагательных цвета в образовании среднеазиатской топонимии, указывает на то, что семантика оронимов, содержащих цветобозначения, «зависит от расстояния до топообъекта и восприятия цвета определенным человеком» [Мурзаев, 1995, 91]. Подобные выводы делаются и на материале отдельных тюркских языков [Койчубаев, 1965; Конкашпаев, 1969; Молчанова, 1979; Конкобаев, 1980; Григорьев, 1985].

Что касается башкирской топонимии, на сегодняшний день специальных исследований, посвященных топонимам с компонентами-цветобозначениями, не проводилось. В данной статье предпринимается попытка раскрыть семантику цветобозначений в составе башкирских топонимов на основании богатого материала, собранного предшественниками. Анализу подвергаются оронимы, гидронимы, ойконимы, хранящиеся в картотеке отдела языкознания Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, а также представленные в приложениях к десяти tomному «Академическому словарю башкирского языка», в словарях топонимов и в монографических исследованиях [АСБЯ; СТРБ; Ласынова, 2003; Усманова, 1994; Хисамитдинова, 1991; 2006; Хисамитдинова и др., 2005; Шайхисламова, 2009; Шакуров, 1998].

1. Признак цвета в номинации топонимов

В аспекте определения ономазиологических категорий в структуре топонимов можно выделить все самые распространенные принципы, имеющие значение и при образовании других классов слов: звукоизобразительность, признаковость, процессуальность и относительность, при этом ведущими принципами оказываются признаковость и относительность. Так, в башкирской топонимике 42 % топонимов присущ принцип относительности, 38,56 % — принцип признаковости [Камалов, 1994, 239]. Последний принцип основан на отражении признаков самого географического объекта.

Из теории ономазиологии известно, что каждый объект обладает рядом признаков, один из которых избирается основным при его номинации. Основными признаками, используемыми при именовании географического объекта, чаще всего выступают цвет, длина, ширина, форма, высота, глубина, величина, вкус и др. При этом цвет как один из признаков, наиболее ярко бросающихся в глаза, играет особую роль в реконструкции мировосприятия этноса, так как его восприятие соотносится с ценностной, семиотической, философской, мировоззренческой системами народа.

Началом языкового цветобозначения являются имена прилагательные. Р. М. Фрумкина пишет: «В русском языке “наивная картина” мира цвета включает “7 цветов радуги”, а также розовый, коричневый и так называемые ахроматические цвета — черный, белый и серый. Эти цвета носители русского языка считают “основными”» [Фрумкина, 2001, 64]. В тюркских языках для обозначения цвета

используется свыше десятка слов разного морфологического состава, в том числе корневых [СИГТЯ, 592–608]: тюрк. *кара* ‘черный’, *ак* ‘белый’, *сары* ‘желтый’, *кызыл* ‘красный, золотистый’, *көк* ‘зеленый, голубой, синий’, *боз* ‘серый, бурый’, *ала* ‘пестрый, пятнистый, полосатый’. Данные прилагательные составляют основу тюркского, в том числе башкирского, цветового мировидения.

Общепризнанно, что «на понятия о цветовой гармонии большое влияние оказывает колористика природы данной страны» [Миронова, 1984, 12]. Краски родной природы являются решающими при именовании на их основе реалий окружающей действительности, в частности географических объектов. В составе топонимов тюркские названия цвета в одних случаях называют реальный цвет топообъекта, в других — служат раскрытию его внутренних, знаменательных для мироощущения народа качеств и признаков, получающих символическое значение.

2. Лексический состав и словообразовательная структура топонимов с цветообозначениями

В 10 000 географических названий, представленных в словарях башкирской топонимии [АСБЯ; СТРБ; Хисамитдинова и др., 2005; РБСГО], цветообозначения встречаются в составе около 6 % топонимов. По нашим наблюдениям, в образовании географических названий участвуют 18 цветолексем: *ак* / *акса* ‘белый, беловатый’, *ала* / *аласа* ‘пестрый, пегий’, *буз* ‘светло-серый, сивый’, *ерән* ‘рыжий’, *йәшел* ‘зеленый’, *көрән* ‘коричневый’, *күк* ‘синий, зеленый’, *кара* ‘черный’, *куңыр* ‘карий, бурый’, *кызыл* ‘красный’, *сыбар* ‘пестрый’, *сәгер* ‘светло-голубой’, *һары* ‘желтый’, *һоро* ‘серый’, в том числе и наименования мастей лошадей: *кир* ‘мухортый’, *коба* ‘светло-бурый, палевый’, *кола* ‘саврасый’, *туры* ‘гнедой’. Кроме того, в топонимии употребляются прилагательные со значениями ‘светлый’ (*якты*, *сыуак*), ‘темный’ (*караңгы*), ‘яркий’ (*базык*), ‘блестящий’ (*йылтыр* / *ялтыр*), ‘яркий’ (*сагыу*), а также существительные, имеющие семантику цвета или света (*көн* ‘день > южный > светлый’, *төн* ‘ночь > темный’, *кан* ‘кровь > красный’), адъективированные существительные (*алтын* ‘золото / золотистый’, *көмөш* ‘серебро / серебристый’).

Наибольшей частотностью обладает цветообозначение *ак* ‘белый’ (27 % всех цветотопонимов), за ним следуют *кара* ‘черный’ (16 %), *кызыл* ‘красный’ (12 %), *һары* ‘желтый’ (7 %), *ала* ‘пестрый, пегий’ (6 %), *күк* ‘синий’ (4 %), *сыбар* ‘пестрый’ (2,5 %). Применение других цветообозначений (*йәшел* ‘зеленый’, *куңыр* ‘карий, бурый’, *буз* ‘светло-серый, сивый’, *һоро* ‘серый’) составляет 1–2 %.

Интересно отметить, что в киргизской топонимии наиболее употребительны те же цветообозначения [см.: Конкобаев, 1980, 99–103]. Алтайский топонимист О. Т. Молчанова отмечает, что «среди всех прилагательных с цветовым содержанием первое место на Алтае занимает *кара* ‘черный’, затем *ак* ‘белый’, *сары*

‘желтый’, *кызыл* ‘красный’, *көк* ‘синий’» [Молчанова, 1979, 69]. По-видимому, применение одинаковых цветобозначений основывается на специфическом мировосприятии тюркских народов, отражающем их общее прошлое.

По структуре большинство башкирских топонимов с цветокомпонентом являются двусловными атрибутивными конструкциями, созданными по модели «прилагательное + существительное». Можно выделить следующие структурно-семантические модели образования географических названий.

2.1. Модель «цветобозначение + географический термин»

В топонимах, образованных по данной модели, первым компонентом является название цвета, вторым компонентом может стать, во-первых, номенклатурный географический термин, например, *тау* ‘гора’, *йылга* ‘река’, *күл* ‘озеро’, *ишимэ* ‘родник’ и т. д. (ср.: *Күктау*, г. (Альш., Бакал.) < *күк* + *тау* «Синяя гора»; *Кызылыылга*, р. (Бузд.) < *кызыл* + *йылга* «Красная река»; *Каракул*, оз. (Дувн.) < *кара* + *күл* «Черное озеро»); во-вторых, географический термин, служащий для обозначения части ландшафтного объекта, который обычно выражается посредством соматизмов, ср.: *Акморон*, г. (Белор., Бурз., Гафур.) < *ак* + *морон* «Белый мыс»; *Һарыбил*, г. (Кугарч.) < *һары* + *бил* «желтая седловина».

Топонимы, образованные по модели «цветобозначение + географический термин», составляют 25 % всех топонимов с цветолексемами. Географические названия данного типа представляют наибольший интерес для изучения символической семантики цветобозначений, выявления мотива номинации: почему река названа *красной*, а озеро — *черным*? Именно в таких топонимах заключено вторичное, переносное значение цветолексема, которая может иметь сакральную семантику, нести этнокультурные коннотации, быть результатом метафорического переноса: например цветобозначение *ак* в составе топонимов может заключать в себе не только значение ‘белый’, но и ‘светлый’, ‘прозрачный’, ‘священный’, ‘снежный’, ‘текучий, проточный’, ‘южный»; *кара* — не только значение ‘черный’, но и ‘темный’, ‘мутный’, ‘обильный’, ‘подземный’, ‘северный’, ‘злой, злостный’, ‘несчастный’ и т. д. Таким образом, в подобных топонимах обнаруживается своеобразие символического цветовосприятия мира народом.

2.2. Модель «цветобозначение + зооним»

В топонимах данной модели цветобозначением определяется окраска или масть животного. Зоонимы с характеризующими их цветобозначениями в составе топонимов могут использоваться в связи с:

— наличием в данной местности большого количества животных какой-либо окраски или определенного вида, ср.: *Аккейек*, р. (Арх.), букв. «Белая дичь» (так называли обычно мелкую дичь); *Карагош*, р. (Стерлиб.), от орнитонима *карагош* ‘большой подорлик’, букв. «Черная птица»;

— появлением / наличием необычного, отличающегося от других своей окраской животного: *Һарыкондоз*, р. (Салават.), букв. «Желтый / рыжий бобер»; *Акһыйыр*, р. (Бурз., Хайб.), букв. «Белая корова»; *Аккойрон*, р. (Зианч.), букв. «Белый тетерев»;

— каким-нибудь событием, произошедшим с участием животного данной окраски / масти. Наибольшей частотностью отличаются названия, где употребляются цветообозначения в сочетании с названиями домашних животных и их половозрастных групп (нередко такие сочетания являются кличками животных), ср.: *Алайғыр*, р. (Кармаск.), букв. «Пестрый жеребец»; *Һарыбайтал*, г. (Белор.), букв. «Соловая кобыла» и т. п. Частое употребление цветообозначений с названиями домашних животных («лошадь», «кобыла», «овца», «баран», «корова»), по-видимому, связано со скотоводческим укладом жизни башкир. Кочуя с многочисленными табунами лошадей, стадами коров, овец с летнего пастбища на зимнее стойбище, башкиры проходили поля, горные склоны, хребты, долины рек, по дороге происходили разные происшествия с животными (отелилась корова, ожеребилась кобыла, поранилось какое-нибудь животное, сбежал из табуна жеребенок, жеребец противостоял волку и т. д.), что и фиксировалось в названиях данных мест. Развернутое описание происхождения подобного рода топонимов можно узнать из легенд и преданий, повествующих о том или ином событии. Например, у башкир широко известна легенда о дороге *Куңыр буга юлы* (букв. «Дорога быка бурой масти»), проходящей по хребту Уралтау, происхождение названия которой объясняется тем, что выданная замуж далеко от родного дома девушка возвращается в родные места вслед за коровой по кличке *Куңыр буга* [БНТ, 1980, 320].

Топонимы с зоокомпонентами составляют 18 % всех географических названий с цветообозначениями.

2.3. Модель «цветообозначение + фитоним»

В топонимах данной модели цветообозначение содержится в названии растения, по которому назван географический объект. Топонимы с цветофитокомпонентом информируют о распространении в данной местности того или иного вида растения, например *Карайерек*, р. (Бурз., Чекм.), букв. «Черная ольха»; *Каратал*, р. (Байм., Давл.), букв. «Черная ива»; *Һаргамыш*, р. (Учал.) < *һар(ы)* 'желтый' + *камыш* 'тростник'; *Карағас*, хр. (Белор.), от дендронима *карағас* 'лиственница', букв. «Черное дерево».

Кроме того, «присутствие в составе того или иного топонима лексического фитокомпонента или же фитотопонима связано с представлением людей о способности тотемного растения распространять свое покровительство на определенный географический ареал» [Фаткуллина, 2014, 222]. Например, в топонимии северо-западной части Башкирии часто встречается гидроним *Аккайын* (букв. «Белая береза»). Белая береза является одним из распространенных видов берез

Башкортостана, мифологизированным растением, она считается священным деревом, почитаемым башкирами [Хисамитдинова, 2010, 172].

Топонимы с компонентами-фитонимами составляют около 4 % всех исследуемых топонимов.

2.4. Модель «цветобозначение + название минерала, горной породы»

Данный тип топонимации обусловлен обозначением внешних свойств рельефа, т. е. во внутренней форме таких топонимов характеризуются самые бросающиеся внешние черты и цветовые характеристики географических объектов, часто обозначается реальный цвет природного материала (камня, почвы, песка), ср.: *Акташ*, г. (Белор., Хайб.), букв. «Белый камень / скала»; *Караташ*, г. (Абз., Байм., Белор., Бурз., Учал.), букв. «Черный камень / скала»; *Кызылташ*, ск. (Гафур.), букв. «Красный камень / скала»; *Гары балсык*, р. (Зилаир.), букв. «Желтая глина».

Топонимы, образованные по такой модели, составляют около 3 % всех исследуемых топонимов.

2.5. Модель «цветобозначение + название постройки, сооружения»

Объектом или предметом, указание на которые сопровождается цветовой характеристикой, может быть постройка, сооружение и т. д.: *Күгызма*, р. (Зианч.), букв. «Синяя изба»; *Кызылкүпер*, д. (Кушн.), букв. «Красный мост». Такие названия информируют о наличии этих объектов или о связанных с ними событиях в данной местности. Здесь отметим, что цветобозначения в составе топонимов могут употребляться как в прямом, так и в переносном значении. К примеру, очевидной представляется сакральность цветобозначения *ак* в топониме *Акзыярат*, оз. (Чишм.), букв. «Белое кладбище».

Топонимы, образованные по такой модели, составляют примерно 2 % всех цветотопонимов.

2.6. Топонимы, производные от антропонимов и этнонимов

Аксайет, д. (Татышл.), от мужского имени: *ак* 'белый' + *Сайет* 'мужское имя'; *Кызылкорт*, р. (Арх.), от названия башкирского рода, букв. «Красный волк». В таких случаях цветобозначение является компонентом той ономастической единицы, от которой произошел топоним, поэтому оно приобретает информативность для установления значения производящего слова, а не топонима.

Доля цветотопонимов, производных от антропонимов и этнонимов, среди всех исследуемых географических названий составляет чуть меньше половины (47 %).

2.7. Топонимы, состоящие из цветобозначения

Гидронимы *Куңыр*, р. (Мелеуз.), букв. «Бурый»; *Сыбар*, р. (Гафур.), букв. «Пестрый». Подобные топонимы составляют примерно 1 % всех цветотопонимов.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно выявить следующие особенности словообразовательной структуры изучаемых топонимов.

1. Цветообозначения в топонимах являются составными словообразовательными компонентами, при этом они могут обозначать реальный цвет объекта, указанного во внутренней форме, либо иметь метафорическое значение.

2. Цветотопонимы характеризуют местность по наличию той или иной горной породы, растительности, животного, постройки, сооружения, определением которых и являются в данном случае.

3. Цветотопонимы ситуативны, они возникают в связи с событиями, происходившими в номинируемом ими месте, о которых можно узнать из топонимических легенд и преданий.

4. Цветообозначения могут быть составными компонентами антропонимов, этнонимов, от которых произошли топонимы, при этом в семантике данных топонимов самостоятельной смысловой нагрузки они не имеют.

3. Семантика и символика цветообозначений в топонимах

Компоненты-цветообозначения в составе башкирских топонимов сообщают различную информацию о топообъекте. Рассмотрим подробнее, какого рода сведения содержатся в цветотопонимах.

3.1. Семантика цвета и света

Как отмечалось выше, при формировании географических названий одним из ведущих мотивов наименования является признак цвета объекта. При этом в оронимах цветообозначения указывают на цвет природного материала (горных пород, отложений, почвы, песка и т. д.), в гидронимах — на цвет водоема, особенности растительности по его берегам.

На горные породы белого цвета — залежи известняка, слюды, кварца, горного хрусталя — указывает внутренняя форма таких оронимов, как *Акташ*, г. (Арх., Белор., Гафур.), букв. «Белый камень»; *Актау*, г. (Байм., Бурз., Давл., Зианч., Кугарч.), букв. «Белая гора»; *Акморон*, г. (Байм., Белор., Бурз., Гафур., Учал.), букв. «Белый мыс».

В месторождениях яшмы, особенно на территории Яшмового пояса Урала, который имеет протяженность ок. 500 км — от р. Миасс на севере до г. Орск на юге, — преобладают темно-зеленые, темно-красные, коричнево-зеленые, зеленовато-голубые цвета горных пород. В данной местности яшмовые выступы скал носят названия: *Кызылташ*, ск. (Байм., Гафур., Учал.), букв. «Красный камень»; *Кызылкая*, ск. (Хайб.), букв. «Красный утес / скала»; *Йәшелкаш*, ск. (Белор., Учал.), букв. «Зеленый холм».

Кроме того, цветобозначения в составе оронимов указывают на графитовые и гранитовые выступы (ср.: *Караташ*, ск. (Байм., Белор., Гафур.), букв. «Черный камень»; *Каракая*, ск. (Белор., Гафур., Учал.), букв. «Черная скала»); ляписовые горные породы и малахитовые, нефритовые месторождения, ср.: *Куккаш*, ск. (Белор., Кююрг., Учал.), букв. «Синий холм»; *Кукъеңер*, хр. (Кююрг.), букв. «Синий мыс».

Цветоронимы со словами *күк* 'синий' и *йәшел* 'зеленый' означают также горные долины, поросшие мхом: *Күгуй*, дол. (Учал.), букв. «Синяя долина»; *Йәшелуй*, дол. (Мелеуз.), букв. «Зеленая долина». Названия озер и болот с цветобозначениями *йәшел* 'зелёный' или *күк* 'зелёно-голубой' дают информацию об обилии мха на болоте или водных растений в озере: *Йәшелкүл*, оз. (Альш., Аск., Кармаск., Кююрг., Мишк., Мияк., Стерлиб.), букв. «Зеленое озеро»; *Күкшар*, бол. (Альш., Благовар.), букв. «Зеленое болото».

Восприятие объекта как яркого, светлого передается словами *көн* 'день', *таң* 'заря', *сыуак* 'светлый, солнечный, ясный', *сағыу* 'яркий', *якты* 'светлый', *ялтыр* / *йылтыр* 'блестящий', *кәмәш* 'серебристый'. Например, определенные лимнонимы, гелонимы именуется по признаку сияния их поверхности на солнце или при луне: *Аккүл*, оз. (Альш., Арх., Аург.), букв. «Белое озеро»; *Яктыкүл*, оз. (Абз., Гафур., Кармаск., Мелеуз.), букв. «Светлое озеро»; *Йылтыркүл*, оз. (Кугарч.), букв. «Блестящее озеро»; *Йылтыраккүл*, оз. (Мечетл.), букв. «Блестящее белое озеро»; *Кәмәшайыры*, р. (Зилаир.), букв. «Серебристый рукав / приток». Такое же значение наблюдается в названиях горных объектов, ср.: *Көнбит*, г. (Зианч.), букв. «Солнечный склон».

Восприятие объектов с темной окраской обозначено лексемами *караңгы* 'темный', *төн* 'ночь': *Караңгы йорт*, р. (Белор.), букв. «Темное кочевье» (видимо, кочевье находилось в тени, среди деревьев, в лесу). Цветобозначения *буз* 'светло-серый', *куңыр* 'бурый, темный', *кара* 'черный, темный' указывают на темный оттенок воды: *Бузйылга*, р. (Кугарч.), букв. «Светло-серая река»; *Куңыр*, р. (Мелеуз.), букв. «Бурый, темный». По нашим предположениям, гидроним, от которого произошло название города *Кунгур* в Пермском крае, также восходит к лексеме *куңыр* 'темный' (река протекает на территории проживания гайнинских башкир, которые, возможно, и дали ей название).

В обозначении равнин, степей, гор, скал и речек, где выделяются пятнами порода, почва, растительность, участвуют лексемы *бузак* 'пестрый, полосатый', *сыбар* 'пестрый, разноцветный', *ала* / *алас* 'пегий, пестрый', ср.: *Бузак*, г. (Мелеуз.), букв. «Пестрый, полосатый»; *Сыбаркүл*, оз. (Салават; Челябинская обл.), букв. «Пестрое озеро»; *Сыбарйылга*, р. (Гафур.), букв. «Пестрая река»; *Сыбарморон*, г. (Белор.), букв. «Пестрый мыс»; *Аласа*, оз. (Чишм.), букв. «Пестрый»; *Алатау*, г. (Ишимб., Гафур.), букв. «Пестрая гора».

3.2. Денотативная семантика

Помимо сведений о характере окружающего рельефа, башкирские цвето-топонимы могут сообщать и другую информацию. В этом плане особо выделяются лексемы *ак* ‘белый’ и *кара* ‘черный’.

Вопросы о возможных нецветовых значениях прилагательных цвета в тюркских языках затронуты многими учеными. Например, по мнению исследователей, слово *ак* является характеристикой поверхностных, текучих, по цвету не обязательно белых вод, а лексемой *кара* обозначаются подземные воды. Так, А. Н. Кононов отмечает значения ‘проточный’, ‘быстротекущий’ у слова *ак*, сопоставляя его с глаголом *ак-* ‘течь, протекать’ [Кононов, 1954, 83–85]. О. Т. Молчанова приводит его значение в гидронимии как ‘мутно-белый’, ‘ледниковый’, ‘чистый’, ‘хороший’, ‘пресный’, ‘текущий, проточный’. В составе оронимов *ак* имеет значение ‘белый’, ‘снежный’, ‘голый, лишенный растительности’ [Молчанова, 1979, 19]. А. А. Григорьев приводит словосочетание *ак суу* ‘белая вода’, которое обозначает ледниково-снеговые реки [Григорьев, 1985, 105–106].

В башкирских географических названиях, как и в тюркских топонимах в целом, возможно, имеются те же метафорические значения *ак* ‘белый’. Об этом говорится в народных преданиях и легендах: судя по ним, *ак* ‘белый’ в названиях рек и родников символизирует быстротечность, чистоту, прозрачность и приятные вкусовые качества воды из водоема. Например, апеллатив *ак Һыу* (букв. «белая вода / река») в значении ‘проточная, чистая пресная вода с приятным вкусом’ зафиксирован в башкирском архаическом эпосе «Урал-батыр»: «Һыуһаһағыз уйында, ана, ак Һыу эсегез» <Жажда одолеет в игре — чистую воду пейте> [БНТ, 1998, 29]. Ср. также: *Актамак*, р. (Мелеуз.), букв. «Белое устье»; *Акшишимә*, род. (Стерлиб.), букв. «Белый родник»; *Ағүгез*, р. (Зианч.), букв. «Белая река». В составе башкирских лимнонимов *ак* указывает на проточность озера, ср.: *Аккул*, оз. (Альш., Арх., Аург.), букв. «Белое озеро»; *Акһыу*, оз. (Гафур.), букв. «Белая вода / река»; *Акшар*, р. (Зианч.), букв. «Белое болото».

По мнению А. Н. Кононова, в географической терминологии слово *кара* ‘черный’ означало землю, сушу, а впоследствии стало определением родниковой воды, «земляной» воды, воды из земли [Кононов, 1954, 83–85]. А. А. Григорьев также склоняется к мнению, что словосочетанием *кара суу* обозначаются подземные воды [Григорьев, 1985, 106]. Следует отметить, что в Центральной и Средней Азии синтагмой *карасьу*, *карасу*, *карасуг* ‘черная вода’ обозначают болотистое место или немногочисленную реку с заболоченными берегами [Мурзаев, 1974, 200]. В данном случае компонент *кара* содержит информацию о воде, непригодной для питья. Цветообозначение *кара* в среднеазиатских оронимах приобрело значение ‘сухой, пустынный’, ‘лишенный высотной поясности’, а также ‘густо покрытый лесами’ [Там же, 217]. Для алтайской топонимии О. Т. Молчанова выделяет следующие значения *кара* ‘черный’: ‘обильный’, ‘родниковый’, ‘питающийся

подземными водами» — для гидронимов, ‘не покрытый снегом’, ‘густой’, ‘с густым (хвойным) лесом» — для оронимов [Молчанова, 1979, 51].

Можно предположить, что в башкирских географических названиях *кара* ‘черный’ имеет значения, выделенные исследователями для других тюркских языков, — ‘подземный / родниковый’, ‘болотистый’, ‘густой’: *Караболак*, род. (Арх.), букв. «Черный родник»; *Карайылга*, р. (Абз., Белор., Гафур., Дюрт., Илиш., Учал.), букв. «Черная / темная / лесная / болотная река»; *Каракул*, оз. (Дувн.), букв. «Черное озеро»; *Караколак*, р. (Чишм.), букв. «Черный рукав реки»; *Каракул*, д. (Арх.), букв. «Черная долина»; ‘бесснежный’: *Каратау*, г. (Абз., Бурз., Зианч., Кугарч., Салават.), букв. «Черная гора»; *Каруба*, курган (Байм., Федор.) < *кар(a)* ‘черный’ + *уба* ‘курган, холм’ и т. д.

Как видно из примеров, *ак* и *кара* в башкирской гидронимии имеют денотативные значения, характеризующие водоемы с точки зрения пригодности или непригодности воды из них для питья, заболоченности, наличия протоков, условий протекания, а в оронимии обозначают заснеженность или бесснежность, залесенность или пустынность объекта.

3.3. Мифологическая семантика

В основе ряда древних топонимов лежат мифологические воззрения народа, давшего название топообъекту. Например, цветолексема *кара* ‘черный’ обладает дополнительной символической семантикой в составе гидронимов, выражая отрицательное значение, опасливое отношение или недоверие к водному объекту. Ср.: *Кара ятыу* (опасный глубокий омут, букв. «Черный омут»), *Каракул* (опасное глубокое озеро, букв. «Черное озеро»), оз. (Дувн., Ермек., Кармаск.); *Караколак* (опасный быстротечный рукав реки, букв. «Черный залив»), р. (Чишм.). Как отмечает О. Т. Молчанова, при табуировании географических имен и ярко выраженном наделении объектов природы эмоциональными характеристиками лексема *кара* могла приобретать оценочные значения ‘плохой, скверный, горестный, безрадостный, злосчастный’ [Молчанова, 1979, 51].

Географические названия с компонентом *ак* находятся на противоположном полюсе оценки. В башкирской топонимии прилагательное *ак* ‘белый’ часто выступает в переносном значении и указывает на святость места. Например, оз. *Аккул* (Гафур.) является священным водоемом. По рассказам местного населения, на его дне живут русалки, водяные.

То же значение могло иметь цветообозначение в названиях родовых гор (у каждого рода и племени башкир были священные горы): *Акзырат*, холм (Чишм.), букв. «Белое кладбище»; *Акбейек*, г. (Абз., Белор., Гафур.), букв. «Белая / святая возвышенность», *Актау*, г. (Байм., Бурз., Давл., Зианч., Кугарч.), букв. «Белая гора».

3.4. Семантика сторон света (север — юг — восток — запад)

Ряд исследований посвящен проблеме номинации сторон света посредством цветообозначений, которая существовала у многих народов [Кононов, 1978, 159–179; Подосинов, 1999, 530–536; и др.]. Многие выделяют три основных цвета — черный, белый, красный, которые составляли основу цветовой символической классификации. Четвертым мог быть желтый, зеленый, синий [Подосинов, 1999, 530–536]. Есть предположения, что имела место какая-то общая евразийская (доиндоевропейская) древняя система цветовой символики сторон света у многих народов. Но все же у разных народов номинации сторон света не совпадают: варьируют цвета для обозначения юга, востока, запада. В большинстве случаев совпадает лишь обозначение северного направления как черного.

У тюрков, отмечает А. Н. Кононов, когда-то красный обозначал юг, черный — север, голубой — восток, белый — запад. Но, по его мнению, цветовая геосимволика у тюрков давно вышла из активного употребления и была заменена линейно-пространственной ориентацией [Кононов, 1978, 160]. В фольклорных материалах хакасов, казахов, сибирских татар схема геониминации совпадает с той, что выделил А. Н. Кононов, равно как у китайцев, у которых эта схема входит в теорию гармоничного мироздания и воспроизводится в обычаях и обрядах [Семби, 2013, 18].

Следы цветовой геосимволики у башкир сохранились в топонимии. Четыре цветообозначения фигурируют в гидронимах: *Каризел*, р. (= Караидель / Уфимка, правый приток р. Белая, протекает в северной части Башкортостана; от *кар(a)* ‘север / северный’ + *изел* ‘река’); *Агизел*, р. (= Агидель / Белая, левый приток р. Кама, протекает в основном на юге Башкортостана; от *ак* ‘юг / южный’ + *изел* ‘река’); *Кугизел*, р. (= Дема, левый приток р. Белая, протекает в западном Башкортостане; от *кук* ‘запад / западный’ + *изел* ‘река’); *Оло Кызыл*, р. (= Большой Кизил, правый приток р. Урал, протекает на востоке Башкортостана; от *оло* ‘большой’ + *кызыл* ‘восток / восточный’).

Как видим, башкирское цветообозначение четырех сторон света совпадает с геосимволикой других тюркских народов исключительно в обозначении севера. Различия в определении запада, востока, юга вполне могут быть связаны с архаическими представлениями протобашкирских племен, проживавших на Южном Урале. По данным башкирской мифологии, исходной точкой пространственной ориентации у аборигенов Южного Урала выступает пещера Шульганташ (Капова пещера), которая являлась «центральной местной святыней» [Котов, 2006, 325]. Следовательно, обозначение сторон света, а впоследствии и топониминация могли происходить относительно пещеры Шульганташ, которая находится в центральной части территории проживания башкирских племен.

Метафорическое использование башкирских цветообозначений, видимо, основано на мирозерцании башкир. Кочевники ориентировались на просторах по движениям небесных светил и определяли время суток по цвету неба и окраске

небосвода во время восхода и заката солнца, неравномерной освещенности южных и северных частей топообъектов (например, гор). У башкир восход ассоциируется с красным, розовым цветами, что зафиксировано в выражениях: *ал таң* 'утренняя (алая) заря', *кызыл таң* 'утренняя (красная) заря', *кызарып кояш калтканда* «когда, краснея, солнце восходит» [Муратова, 2018б, 126]. Возможно, красный цвет впоследствии стал употребляться для обозначения востока. Нахождение солнца в южной части небосклона обозначается словосочетаниями *ак көн* 'белый день', *таң һарыһы* 'утренняя заря' [Муратова, 2018а, 59], следовательно, для башкир белый и желтый цвета символизировали юг. Цвет небосвода во время заката башкирами воспринимался от голубого до темно-синего, что закрепилось в выражениях *бузрап / тонйорап кояш батканда* «когда, синея, солнце заходит», *офок зәңгәрләңә / күкһелләңә* «горизонт голубеет». Слабая освещенность солнцем северных частей топообъектов (например, склона горы) способствовала развитию значения 'северный' у слова *кара* 'черный, темный'.

Выводы

Таким образом, анализ семантики цветобозначений в башкирской топонимии позволяет сделать следующие выводы.

1. Цвет является одним из ведущих мотивирующих признаков в ходе топонимии. В составе топонимов цветобозначения могут быть детерминантами географических терминов, зоонимов, фитонимов, названий минералов, горных пород, построек, сооружений и т. д.

2. Цветотопонимы составляют примерно 6 % всех топонимов. Наиболее активными в их составе являются цветобозначения *ак* 'белый', *кара* 'черный', *кызыл* 'красный', *һары* 'желтый', *ала* 'пестрый, пегий', *күк* 'синий', *сыбар* 'пестрый', что характеризует колористику окружающей природы башкир.

3. Словообразовательная структура башкирских топонимов не однообразна, они являются в основном двусоставными атрибутивными конструкциями и образуются по моделям: «цветобозначение + географический термин» (25 %), «цветобозначение + зооним» (18 %), «цветобозначение + фитоним» (4 %), «цветобозначение + название минерала, горной породы» (3 %), «цветобозначение + название постройки, сооружения» (2 %), топонимы, состоящие только из цветобозначения (1%), топонимы, производные от антропонимов, этнонимов (47 %).

4. Структурно-семантический анализ тюркских географических названий с компонентами-цветобозначениями позволил выделить семантическую нагрузку цветобозначающих компонентов. Так, было выявлено, что в составе топонимов цветобозначения: а) непосредственно определяют цвет, интенсивность окраски или освещенность топообъектов в восприятии номинатора; б) имеют дополнительную смысловую нагрузку, включают в себе денотативные значения, в том

числе семантику сторон света, в которой отражается этнокультурное своеобразие восприятия цвета; в) содержат в себе закодированную информацию о мифологических воззрениях народа.

5. Наибольший интерес в плане отражения национального мировидения башкир представляют топонимы, образованные по модели «цветообозначение + географический термин». В топонимах такого типа цветообозначения определяют не только цвет ландшафтных объектов, но и заключают в себе денотативную и мифологическую семантику. В этом плане особо выделяются цветообозначения *ак* ‘белый’ и *кара* ‘черный’, которые имеют множество «нецветовых» значений в составе башкирских географических названий.

6. В ходе исследования в башкирских гидронимах выявлены цветообозначения, символизирующие стороны света: *кара* ‘черный’ — север (*Каризел*), *ак* ‘белый’ — юг (*Агизел*), *күк* ‘синий’ — запад (*Күгизел*), *кызыл* ‘красный’ — восток (*Оло Кызыл*). Цветообозначение сторон света у башкир совпадает с геосимволикой других тюркских народов исключительно в номинации севера. Различия в определении запада, востока, юга вполне могут быть связаны со спецификой архаических представлений протобашкирских племен, проживавших на Южном Урале.

В заключение отметим, что в башкирской топонимии отражена цветовая палитра окружающего мира во всех его оттенках. Дифференцирующий характер цвета как категории, а также образное и ассоциативное восприятие природных реалий носителями языка привели к использованию цветообозначений в качестве основы для номинаций географических объектов.

Источники

- АСБЯ — Академический словарь башкирского языка : в 10 т. / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа : Китап, 2011–2018.
- БНТ 1980 — Башкирское народное творчество. Предания и легенды / сост., вступ. ст. и коммент. Ф. А. Надршиной. Уфа : Башк. кн. изд-во, 1980 (на башк. яз.).
- БНТ 1998 — Башкирское народное творчество. Т. 3 : Эпос / сост. М. М. Сагитов. Уфа : Китап, 1998 (на башк. яз.).
- Ишбердин Э. Ф.* Птицы Башкортостана : словарь-справочник. Уфа : Китап, 1986 (на башк. яз.).
- Молчанова О. Т.* Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск : Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1979.
- РБСГО — *Хисамитдинова Ф. Г., Сиразитдинов З. А., Латыпова З. Б.* Русско-башкирский словарь-справочник горных объектов Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: <http://mfb12.ru:8080/mfb1/bashlex>.
- СТРБ — *Камалов А. А., Шакуров Р. З., Ураксин З. Г., Хисматов М. Ф.* Словарь топонимов Республики Башкортостан. Уфа : Китап, 2002.
- Хисамитдинова Ф. Г.* Башкирская ойконимия XVI–XIX вв. Уфа : Башк. кн. изд-во, 1991.
- Хисамитдинова Ф. Г.* Географические названия Башкортостана. Уфа : Изд-во БГУ, 2006.
- Хисамитдинова Ф. Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М. : Наука, 2010.
- Хисамитдинова Ф. Г., Сиразитдинов З. А., Шакуров Р. З., Юлдашибаев Ю. Х.* Русско-башкирский словарь-справочник водных объектов Республики Башкортостан. Уфа : Китап, 2005.

Шайхисламова З. Ф. Топонимия северо-востока Башкортостана: (историко-лингвистический анализ). Уфа : РИЦ БашГУ, 2009.

Исследования

Березович Е. Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998.

Григорьев А. А. О некоторых гидронимах в Киргизии // Ономастика Киргизии. Вып. 1 / ред. С. У. Умурзаков, К. Конкобаев. Фрунзе : Илим, 1985. С. 105–111.

Дыбо А. В., Хисамитдинова Ф. Г. Башкирский язык в системе алтайских языков // Проблемы востоковедения. 2009. № 4. С. 109–115.

Иванов Вяч. Вс. Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии: к названию Белоруссии // Балто-славянские исследования. 1980 / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М. : Наука, 1981. С. 163–177.

Камалов А. А. Башкирская топонимия. Уфа : Китап, 1994.

Койчубаев Е. Нецветовая сущность топонимических компонентов *ак, кара, көк, сары* // Всесоюз. конф. по топонимике СССР : тез. докл. и сообщ. Л. : [б. и.], 1965. С. 185–187.

Конкашпаев Г. К. Цветовые слова в тюркских топонимах // Географические науки : темат. сб. науч. тр. Казах. гос. пед. ин-та им. Абая. Алма-Ата : Наука Каз. ССР, 1969. С. 72–83.

Конкобаев К. Топонимия Южной Киргизии. Фрунзе : Илим, 1980.

Кононов А. Н. О семантике слов *кара* и *ак* в тюркской географической терминологии // Изв. Отд-ния обществ. наук АН Таджикской ССР. 1954. Вып. 5. С. 83–85.

Кононов А. Н. Семантика цветобозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник — 1975 / отв. ред. А. Н. Кононов. М. : Наука, 1978. С. 159–179.

Котов В. Г. Башкирский эпос «Урал-батыр». Уфа : Гилем, 2006.

Ласынова Н. А. Оронимия Юго-Восточного Башкортостана (лингвистический анализ) : дис. ... канд. филол. наук / Башк. гос. ун-т. Уфа, 2003.

Миронова Л. Н. Цветоведение. Минск : Высш. шк., 1984.

Муратова Р. Т. Цветобозначение *һары* 'желтый' в башкирском языке // Урало-алтайские исследования. 2018а. № 2. С. 53–70.

Муратова Р. Т. Генезис, развитие и лексическая семантика цветобозначения *кызыл* 'красный' в башкирском языке // Oriental Studies (Вестн. КИГИ РАН). 2018б. № 5. С. 120–131.

Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М. : Мысль, 1974.

Мурзаев Э. М. Топонимика и география. М. : Наука, 1995.

Оцмиева-Тагирова З. М., Баширова Р. С. Цветовые характеристики аварского топонимического пространства // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2017. № 12. С. 154–156.

Подосинов А. В. *Ex oriente lux!* Ориентация по сторонам света в архаических культурах Евразии. М. : ЯРК, 1999.

Семби М. К. Память земли тюрко-монгольской. Алматы : КазНИИК, 2013.

СИГТЯ — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / под ред. Э. Р. Тенишева. М. : Наука, 2001.

Суперанская А. В. Терминологичны ли цветовые названия рек? // Вопр. географии. 1970. Вып. 81. С. 120–127.

Усманова М. Г. Имя отчей земли. Историко-лингвистическое исследование топонимии бассейна реки Сакмар. Уфа : Китап, 1994.

Фаткуллина Ф. Г. Топонимическая лексика как отражение национальной языковой картины мира // European Social Science Journal. 2014. Т. 1. № 3. С. 219–224.

Фрумкина Р. М. Психоллингвистика. М. : Академия, 2001.

Хисамитдинова Ф. Г. О некоторых мифологических представлениях башкир // Урало-алтайские исследования. 2014. № 2. С. 89–95.

- Хисамитдинова Ф. Г.* Отражение мифологических воззрений в антропонимической системе башкир (на материале «Формулярного списка о службе чиновников и урядников 9-го башкирского кантона за 1837 год») // *Вопр. ономастики.* 2016. Т. 13. № 2. С. 112–125.
- Цветкова Е. В.* Белый цвет в костромской топонимии // *Вестн. Костр. гос. ун-та.* 2012. № 1. С. 264–267.
- Шакуров Р. З.* Историко-стратиграфическое и ареальное исследование башкирской топонимии Южного Урала и Предуралья : науч. докл. ... д-ра филол. наук / Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. Уфа, 1998.
- Ягафарова Г. Н.* Номинация по цвету в коневодческой лексике башкирского языка // *Вестн. Череп. гос. ун-та.* 2011. № 1. С. 82–87.

Рукопись поступила в редакцию 26.03.2018

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна

доктор филологических наук, профессор,
научный руководитель
Институт истории, языка и литературы
УФИЦ РАН
450054, Уфа, пр. Октября, 71
E-mail: hisamitdinova@list.ru

Муратова Римма Талгатовна

кандидат филологических наук, старший
научный сотрудник отдела языкознания
Институт истории, языка и литературы
УФИЦ РАН
450054, Уфа, пр. Октября, 71
E-mail: bairima@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна

кандидат филологических наук, старший
научный сотрудник отдела языкознания
Институт истории, языка и литературы
УФИЦ РАН
450054, Уфа, пр. Октября, 71
E-mail: rishrinat@mail.ru

Валиева Мадина Раилевна

кандидат филологических наук, младший
научный сотрудник отдела языкознания
Институт истории, языка и литературы
УФИЦ РАН
450054, Уфа, пр. Октября, 71
E-mail: valieva_1979@list.ru

Khisamitdinova, Firdaus Gilmitdinovna

DrHab, Professor, Scientific Supervisor
Institute of History, Language and Literature
of the UFRC RAS
71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russia
E-mail: hisamitdinova@list.ru

Muratova, Rimma Talgatovna

PhD, Senior Research Fellow
Department of Linguistics of the Institute
of History, Language and Literature
of the UFRC RAS
71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russia
E-mail: bairima@yandex.ru

Yagafarova, Gulnaz Nurfaezovna

PhD, Senior Research Fellow
Department of Linguistics of the Institute
of History, Language and Literature
of the UFRC RAS
71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russia
E-mail: rishrinat@mail.ru

Valieva, Madina Railevna

PhD, Junior Researcher
Department of Linguistics of the Institute
of History, Language and Literature
of the UFRC RAS
71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russia
E-mail: valieva_1979@list.ru

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях районов Республики Башкортостан

Абз.	Абзелиловский	Илиш.	Илишевский
Альш.	Альшеевский	Ишимб.	Ишимбайский
Арх.	Архангельский	Кармаск.	Кармаскалинский
Аск.	Аскинский	Кугарч.	Кугарчинский
Аург.	Аургазинский	Кушн.	Кушнаренковский
Байм.	Баймакский	Куюрг.	Куюргазинский
Бакал.	Бакалинский	Мелеуз.	Мелеузовский
Белор.	Белорецкий	Мечетл.	Мечетлинский
Благовар.	Благоварский	Мишк.	Мишкинский
Бузд.	Буздякский	Мияк.	Миякинский
Бурз.	Бурзянский	Салават.	Салаватский
Гафур.	Гафурийский	Стерлиб.	Стерлибашевский
Давл.	Давлекановский	Татышл.	Татышлинский
Дувн.	Дуванский	Учал.	Учалинский
Дюрт.	Дюртюлинский	Федор.	Федоровский
Ермек.	Ермекеевский	Хайб.	Хайбуллинский
Зианч.	Зианчуринский	Чекм.	Чекмагушевский
Зилаир.	Зилаирский	Чишм.	Чишминский

В названиях языков

праалт. праалтайский

Firdaus G. Khisamitdinova
Rimma T. Muratova
Gulnaz N. Yagafarova
Madina R. Valieva

Institute of History, Language and Literature
of the Russian Academy of Sciences
Ufa Federal Research Center,
Ufa, Russia

COLOR TERMS IN BASHKIR TOPONYMY

It is common to many languages that all color terms belonging to the most ancient part of the vocabulary, apart from the color meaning as such, convey a symbolic meaning. The same is true to the Bashkir language, where this particularly applies to toponyms. Colors are one of the most prevalent motives of naming used in Bashkir toponymy. This paper aims to study Bashkir place names with reference to color terms, based on the names of landscape objects, water bodies, and geographical names collected in the card index of the Linguistics department of the Institute of History, Language, and Literature of the UFRC RAS, as well as presented in the annexes to the ten-volume *Academic Dictionary of the Bashkir language* (2011–2018), in toponymic dictionaries, and special studies on toponymy. Statistically, color names make up 6% of all Bashkir toponyms. The most productive lexemes used in the formation of topographic

objects include: *aq* ‘white,’ *qara* ‘black,’ *qithil* ‘red,’ *hari* ‘yellow,’ *ala* ‘piebald,’ *kük* ‘blue,’ *sibar* ‘motley,’ which can be regarded as a common characteristic of the Turkic toponymy on the whole, and the reflection of the color characteristics of the surrounding nature and the geographical area where the Bashkir live. The derivational structure of Bashkir place names with color terms as components can be formalized in the following patterns: color term + geographic term, color term + zoonym; color term + phytonym; color term + mineral name or rock name; color term + name of a construction, structure; toponyms derived from personal names, ethnonyms; toponyms represented solely by a color term as such. The most interesting in terms of reflecting the national identity of the Bashkirs are toponyms, following the “color term + a geographical term” pattern. This type of place names refers not only to the color of geographical objects themselves, but also to the color of rocks, the perceived color of water bodies, carrying connotative and mythological implications.

К e y o r d s: Bashkir toponymy, color nomination, color terms, derivation of toponyms, color symbolism.

Acknowledgements

The study is carried out as part of the project *The Genesis of Color Terms in the Turkic Languages of the Ural and Volga River Region* supported by the Russian Foundation for Basic Research (grant number 16-34-01049) and the Program *Ethno-Cultural Contacts of the Peoples of the Volga River Area (Based on Traditional Household and Religion Vocabulary)* of the Russian Academy of Sciences.

- Berezovich, E. L. (1998). *Toponimiia Russkogo Severa: Etnolingvisticheskie issledovaniia* [Toponymy of the Russian North: Ethnolinguistic Studies]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Dybo, A. V., & Khisamitdinova, F. G. (2009). Bashkirskii iazyk v sisteme altaiskikh iazykov [The Bashkir Language in the System of Altaic Languages]. *Problemy vostokovedeniia*, 4, 109–115.
- Fatkullina, F. G. (2014). Toponimicheskaiia leksika kak otrazhenie natsional’noi iazykovoi kartiny mira [Toponymic Vocabulary as a Reflection of the National Language Worldview]. *European Social Science Journal*, 3(1), 219–224.
- Frumkina, R. M. (2001). *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow: Akademiia.
- Grigoryev, A. A. (1985). O nekotorykh gidronimakh v Kirgizii [On Some Hydronyms in Kyrgyzstan]. In S. U. Umurzakov, & K. Konkobaev (Eds.), *Onomastika Kirgizii* [Onomastics of Kyrgyzstan] (Iss. 1, pp. 105–111). Frunze: Ilim.
- Ivanov, V. V. (1981). Tsvetovaia simbolika v geograficheskikh nazvaniakh v svete dannykh tipologii: k nazvaniu Belorussii [Color Symbolism in Geographical Names in the Light of Typology: the Name of Belarus]. In V. V. Ivanov (Ed.), *Balto-slavianskie issledovaniia. 1980* [Balto-Slavic Studies. 1980] (pp. 163–177). Moscow: Nauka.
- Kamalov, A. A. (1994). *Bashkirskaiia toponimiia* [Bashkir Toponymy]. Ufa: Kitap.
- Khisamitdinova, F. G. (2014). O nekotorykh mifologicheskikh predstavleniiakh Bashkir [On Some Mythological Conceptions of the Bashkir]. *Uralo-Altaiiskie issledovaniia*, 2, 89–95.
- Khisamitdinova, F. G. (2016). Otrazhenie mifologicheskikh vozzrenii v antroponimicheskoi sisteme bashkir (na materiale “Formuliarnogo spiska o sluzhbe chinovnikov i uriadnikov 9-go bashkirskogo kantona za 1837 god”) [On the Reflection of Mythological Beliefs in the Anthroponymic System of Bashkirs (Based on Service records of the officers and clerks of the 9th Bashkir Canton as of 1837)]. *Voprosy onomastiki*, 13(2), 112–125. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2016.13.2.020
- Koichubaev, E. (1965). Netsvetovaia sushchnost’ toponimicheskikh komponentov *ak, kara, kək, sary* [The Non-Color Meaning of the Toponymic Components *ak, kara, kək, sary*]. In *Vsesoiuz. konf.*

- po toponimike SSSR [Proceedings of the All-Union Conference on Toponymics] (pp. 185–187). Leningrad: [s.n.].
- Konkashpaev, G. K. (1969). Tsvetovye slova v tiurkskikh toponimakh [Color Terms in Turkic Toponyms]. In *Geograficheskie nauki: tematicheskii sbornik nauchnykh trudov Kazakhskogo gos. ped. in-ta im. Abaia* (pp. 72–83) [Geographical Sciences: A Thematic Collection of Scholarly Papers]. Alma-Ata: Nauka Kaz. SSR.
- Konkobaev, K. (1980). *Toponimii Iuzhnoi Kirgizii* [The Toponymy of Southern Kyrgyzstan]. Frunze: Ilim.
- Kononov, A. N. (1954). O semantike slov *kara* i *ak* v tiurkskoi geograficheskoi terminologii [On the Meaning of the Words *kara* and *ak* in Turkic Geographical Terminology]. *Izvestiia otdeleniia obshchestvennykh nauk AN Tadzhikskoi SSR*, 5, 83–85.
- Kononov, A. N. (1978). Semantika tsvetooboznachenii v tiurkskikh iazykakh [The Meaning of Color Terms in Turkic Languages]. In A. N. Kononov (Ed.), *Tiurkologicheskii sbornik — 1975* [Studies in Turkology — 1975] (pp. 159–179). Moscow: Nauka.
- Kotov, V. G. (2006). *Bashkirskaia epos Ural-batyr* [The Bashkir Epic of *Ural-Batyr*]. Ufa: Gilem.
- Lasyanova, N. A. (2003). *Oronimii Iugo-Vostochnogo Bashkortostana (lingvisticheskii analiz)* [Names of Hills and Mountains of the South-Eastern Bashkortostan (A Linguistic Analysis)] (doctoral dissertation). Bashkir State University, Ufa, Russia.
- Mironova, L. N. (1984). *Tsvetovedenie* [Studies in Color]. Minsk: Vysshiaia shkola.
- Muratova, R. T. (2018a). Tsvetooboznachenie *narı* ‘zheltyi’ v bashkirskom iazyke [The Color Name *narı* ‘Yellow’ in the Bashkir Language]. *Uralo-altaiskie issledovaniia*, 2, 53–70.
- Muratova, R. T. (2018b). Genesis, razvitiie i leksicheskaia semantika tsvetooboznacheniiia *kyzył* ‘krasnyi’ v bashkirskom iazyke [Genesis, Development and the Semantics of the Color Name *kyzył* ‘Red’ in the Bashkir Language]. *Oriental Studies*, 5, 120–131.
- Murzaev, E. M. (1974). *Ocherki toponimiki* [Essays in Toponymics] Moscow: Mysl’.
- Murzaev, E. M. (1995). *Toponimika i geografiia* [Toponymics and Geography]. Moscow: Nauka.
- Otsomieva-Tagirova, Z. M., & Bashirova, R. S. (2017). Tsvetovye kharakteristiki avarskogo toponimicheskogo prostranstva [The Color Features of the Avar Toponymic Space]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 12, 154–156.
- Podosinov, A. V. (1999). *Ex oriente lux! Orientatsiia po storonam sveta v arkhaiskikh kul'turakh Evrazii* [Ex Oriente Lux! Orientation to the Cardinal Points in the Archaic Cultures of Eurasia]. Moscow: IaRK.
- Sembi, M. K. (2013). *Pamiat' zemli tiurko-mongol'skoi* [The Memory of Turkic-Mongol Lands]. Almaty: KazNIK.
- Shakurov, R. Z. (1998). Istoriko-stratigraficheskoe i areal'noe issledovanie bashkirskoi toponimii Iuzhnogo Urala i Predural'ia [Historical, Stratigraphic and Areal Study of the Bashkir Toponymy of the Southern Urals and the Cis-Ural Region (a report)] (habilitation thesis). UFSC RAS Institute of History, Language and Literature, Ufa.
- Superanskaya, A. V. (1970). Terminologichny li tsvetovye nazvaniia rek? [Are the Color Names of the Rivers Terminological?] *Voprosy geografii*, 81, 120–127.
- Tenishev, E. R. (Ed.). (2001). *Sravnitel'no-istoricheskaiia grammatika tiurkskikh iazykov* [Comparative Historical Grammar of Turkic Languages]. Moscow: Nauka.
- Tsvetkova, E. V. (2012). Belyi tsvet v kostromskoi toponimii [White Color in the Toponymy of Kostroma]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1, 264–267.
- Usmanova, M. G. (1994). *Imia otchei zemli. Istoriko-lingvisticheskoe issledovanie toponimii basseina reki Sakmar* [The Name of the Fatherland. Historical Linguistic Study of the Toponymy of the Sakmar River Basin]. Ufa: Kitap.
- Yagafarova, G. N. (2011). Nominatsiia po tsvetu v konevodcheskoi leksike bashkirskogo iazyka [Naming by Color in Horse Breeding Vocabulary of the Bashkir Language]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1, 82–87.